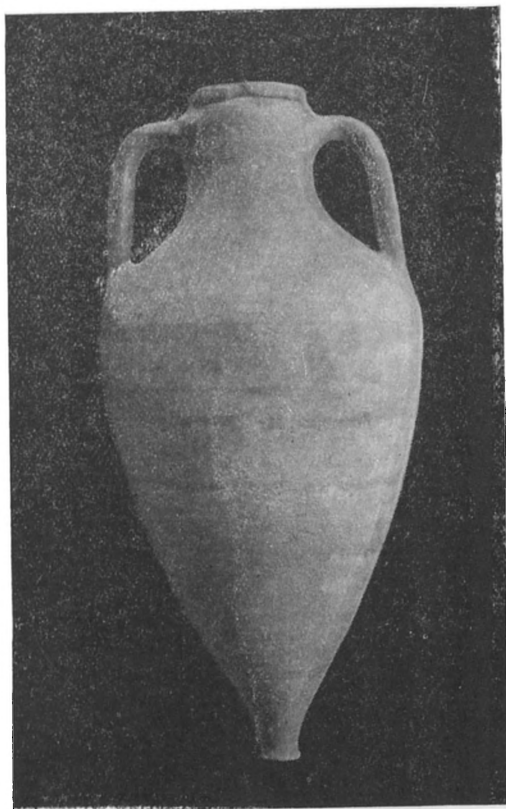

логическое сходство между синопскими и херсонесскими амфорами, как и близкое сходство между черепицами и пифосами этих двух керамических центров.

Синопская амфора. Херсонский музей.

В заключение мы укажем еще на то обстоятельство, что не все амфоры синопского производства подвергались клеймению. Небольшое количество синопских амфор, как это имеет место в Херсонесе, встречаются без каких-либо клейм.

Р. Б. Ахмеров

Пленум ЛОИИМК по археологии Средней Азии

В марте 1948 г. в ЛОИИМК АН СССР проходил пленум, посвященный археологии Средней Азии. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано 35 докладов. Работали секции первобытной археологии, античной и дофеодальной археологии, средневековой археологии, эпиграфики и нумизматики, архитектуры и секция этнографии.

Пленум открылся докладом проф. А. Н. Бернштама «Советская археология Средней Азии». Докладчик сделал общий обзор итогов изучения истории и археологии Средней Азии. Археологическое изучение Средней Азии, говорил проф. А. Н. Бернштам, до Великой Октябрьской социалистической революции находилось в зачаточном состоянии. Сборы археологического материала начались лишь в середине XIX в. и носили в большой степени случайный характер. Важный вклад в археологическое изучение Средней Азии внесли путешествия русских ученых: Ханькова, Семенова-Тяньшанского, Северцова, Мушкетова.

Собрание археологического материала положило начало возникновению ряда среднеазиатских музеев: Ташкентского в 1876 г., Самаркандского в 1896 г. и Ферганского в 1899 г.

Новым этапом в изучении Средней Азии явилось описание Мерва Жуковским и историко-археологическая рекогносцировка В. В. Бартольда, а также открытие в Семиречье несторианских кладбищ и рунических надписей. Но тогдашние представители среднеазиатской археологии стояли на позициях теории цикличности, признавали периодизацию в связи с завоеваниями, противопоставляли арийские племена тюркским. Несмотря на наличие ряда прогрессивных положений в трудах В. В. Бартольда они не могли исправить положение, так как и В. В. Бартольду были свойственны идеалистические взгляды по некоторым вопросам.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции создались условия для коренного перелома в развитии историко-археологического изучения Средней Азии. Решающую роль в изменении стиля работ в области археологии Средней Азии, а главное, в изменении идеологического содержания этих работ, сыграли указания партии по вопросам истории. Изменился характер археологических полевых работ, а также исследовательская тематика. Археология Средней Азии изучается теперь в связи с другими отраслями советского востоковедения—историей, филологией, лингвистикой, фольклором.

С 1935 по 1947 г. проведены большие экспедиции, давшие огромный материал, позволивший сделать ряд важнейших исторических выводов. В результате работ этого периода установлен ряд этнокультурных комплексов, которые теперь могут служить базой для исследования этногенетических процессов. Выявлены этнокультурные связи народов Средней Азии с другими народами Советского Союза, а также с югом Азии, Передним Востоком и Центральной Азией. Выясняется активная, а порой и ведущая роль народов Средней Азии в истории и культуре народов Востока. В советской науке решительно отвергнута точка зрения, признававшая за народами Средней Азии пассивную роль объекта завоеваний и базы для наслаивания чуждых культурных влияний.

Докладчик указал на необходимость дальнейшего развертывания археологических работ в Средней Азии с упором на исследование памятников первобытно-общинного строя и памятников послемонгольского периода. Особо важными темами сейчас являются темы периодизации истории культуры народов Средней Азии и периодизации этапов этногенеза.

В заключение проф. А. Н. Бернштам развернул программу организационных мероприятий, необходимых для организации полевых работ, издания трудов по археологии Средней Азии, а также по подготовке кадров.

С докладом «Периодизация древней истории Средней Азии» выступил проф. С. П. Толстов. Докладчик отметил, что советским ученым приходится преодолевать различные псевдоисторические концепции. На базе скудных материалов и немарксистской методологии воздвигались построения, далекие от подлинной истории Средней Азии, которые и до сих пор еще имеются в зарубежной буржуазной исторической литературе. Эти построения сводятся к тому, что будто бы общественная база исторического процесса в Средней Азии остается неизменной на всем протяжении от древнейших времен и до Октябрьской революции. Для Средней Азии считается характерным «какой-то своеобразный азиатский феодальный строй, сопровождающийся таким же застойным, бесперспективным, не создающим никакого движения торговым капитализмом». История VI—IV вв. до н. э. рисовалась как картина феодального строя, не отличавшегося от бухарского строя XIX в. С. П. Толстов подверг критике мнение английского историка Тарна о том, что общественный строй Средней Азии в IV в. до н. э. был феодальным.

Тарн видит наличие в Средней Азии ряда элементов, свойственных античному обществу, и объясняет это тем, что будто бы они занесены греко-македонскими завоевателями, которые и принесли на смену феодальным «баронам и лордам», а также аморфной массе крепостных крестьян «органы квази-автономной городской общины

античного вида». Проф. С. П. Толстов показал, что Тарн «ассоциирует явления древней Азии с явлениями действительности сегодняшнего дня в колониях Англии. В Евкратиде и других деятелях он видит прообраз основателей Британской империи». Докладчик подчеркнул, что марксистское материалистическое учение об обществе позволяет по-новому осветить археологические открытия в Средней Азии. Новейшие исследования в области археологии Средней Азии показали полную несостоятельность представления о неизменности социально-экономической и культурной жизни народов Средней Азии. Материалы экспедиции позволяют утверждать, что общественная жизнь от середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э. существенно отличалась от общественной жизни в эпоху средневековья. Для иллюстрации С. П. Толстов привел различные типы поселений.

Для древнейшего периода истории Средней Азии докладчик предложил принять термин «античный». Уже Чепелев сделал попытку применить этот термин в своей работе «Об античной стадии в истории искусства народов СССР». В работе Чепелева была большая смелость и свежесть мысли, хотя некоторые его положения и являются спорными. Критика этой работы Чепелева, по мнению С. П. Толстова, была абсолютно неправильной, в ней сказалось традиционное представление, против которого необходимо вести самую жестокую борьбу.

С. П. Толстов считает, что никакой принципиальной грани между греко-римской культурой и культурой более отдаленных стран рабовладельческого Востока нет. Противоположный этому взгляд является результатом ложной аберрации, характерной для буржуазной науки, и приобретает сейчас реакционный характер. Термины— античная цивилизация, античная культура применимы ко всем районам, имевшим рабовладельческий строй. Античность создала неподражаемые произведения искусства. «Но Восток создал не худшие произведения, а может быть, лучшие, но менее нам известные». В Средней Азии были самостоятельно развивавшиеся рабовладельческие государства, игравшие крупную историческую роль, создавшие свою культуру и искусство, неотделимые от всего остального античного мира. Хронологические рамки античного периода в Средней Азии должны быть еще уточнены, но начало его можно отнести к VII—VI вв. до н. э., а конец—к V—VI вв. н. э. В рамках этого периода докладчик устанавливает четыре этапа: архаический период—от VI по IV в. до н. э., эллинистический период (кангюйский, бактрийский и парфянский)—от IV в. до I в. до н. э., кушанский—I—III вв. н. э. и кушано-эфталитский IV—VI вв. н. э. Период между VI и IX вв. н. э. должен рассматриваться как начало средневековья, который характеризуется не завершенными еще формами феодального строя.

В заключение докладчик подчеркнул, что нельзя более рассматривать Среднюю Азию, как отдаленное захолустье, воспринимавшее только влияния внешних завоеваний, и что пора покончить в области периодизации с представлениями, основанными на именах чужеземных достижений или народов, вторгшихся на территорию Средней Азии. История Средней Азии создана жившими на ее территории народами.

В другом докладе С. П. Толстова «Вопросы этногенеза народов Средней Азии» было отмечено, что проблема формирования народов—это проблема истории формирования их языков. Каждый из нынешних среднеазиатских народов может рассматриваться как результат скрещения различных этнических элементов древней Средней Азии.

Если становление наций—результат общественного развития на заре капитализма, а формирование народностей, вошедших в разных комбинациях в состав наций, прослеживается на заре средневековья, то те элементы, из которых слагаются народы, исторически значительно древнее.

С. П. Толстов подчеркнул важность определения рамок территориальных, географических и политических объединений, в которых шли подготовительные процессы, сложившие народности раннего средневековья Средней Азии.

У древних истоков таджикского этногенеза стоит Бактрийское царство и, частично, государственное объединение Ферганы. Корни этногенетического процесса узбеков можно проследить в Кангуй. Массagetские, каракумские племена явились подгото-

вительным материалом для туркменского объединения. Племена массагетов Приаралья и северного Прикаспия стоят у колыбели этногенеза каракалпаков. В сакских племенах северного Казахстана можно видеть прототипы казахских народов.

В заключение докладчик указал на необходимость постановки проблемы этногенеза как центральной проблемы научного исследования Средней Азии.

Периодизации средневековой истории Средней Азии был посвящен доклад чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовского.

С докладом «Периодизация материальной культуры монгольского Самарканда» выступил А. И. Тереножкин (Самарканд). Докладчик определил четыре периода в культурных наслоениях на Афрасиабе, отложившихся с III в. до н. э. до XII в. н. э.:

1. Греко-бактрыйский — III—II вв. до н. э.
2. Кушанский — I в. до н. э.—II в. н. э.
3. Период тюркского каганата — VI—VIII вв. н. э.
4. Послеарабский — VIII—XII вв. н. э.

Время возникновения Самарканда еще не установлено, так как древнейшие слои еще не обнаружены. Открытие слоев греко-бактрыйского периода подтверждает правильность отождествления столицы Согдийской области—города Мараканда, времени македонского завоевания—с Самаркандом.

Греко-бактрыйский период характеризуется керамическими изделиями высокого, качества, но примитивных форм. Керамика, как и другие предметы быта, дает представление об особенностях своеобразной и самобытной согдийской культуры.

В течение кушанского периода керамическое производство достигает высокого уровня. Крупное значение в городском ремесле приобретает хлопчатобумажное ткачество. Культурные связи Самарканда в этот период прослеживаются в кушанской культуре Термеза, в культуре Каунчи, на среднем течении Сыр-Дарьи и в других местах.

Наслоений эллинистической стадии III—II вв. до н. э., соответствующих Тали-Барзу III, на Афрасиабе не встречено. В период тюркского каганата Самарканд переживает новый подъем. «Материальная культура второй стадии этого периода носит печать сильного влияния сассанидского Ирана, однако сохраняется и собственно согдийское направление в развитии искусства и материальной культуры».

Со времени арабского завоевания и введения ислама в начале VIII в. происходит ломка древних культурных традиций, и развитие материальной культуры получает новое направление. Для послеарабского периода докладчик устанавливает шесть стадий в развитии материальной культуры.

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады об итогах экспедиционных работ в 1947 г. А. Я. Якубовский доложил о работах Таджикско-Согдийской экспедиции, С. П. Толстов—о полевых работах в Хорезме, А. Н. Бернштам—о работах Тянь-шанско-Алайской экспедиции, чл.-корр. АН Казахской ССР А. Маргулан—об архитектурных памятниках района рек Кенгир и Сары-Су (VIII—XIV вв.).

В прениях, состоявшихся на пленарных заседаниях, приняли участие чл.-корр. Академии Наук СССР А. Фрейман и К. В. Тревер, тт. И. М. Дьяконов, С. С. Черников, М. М. Дьяконов.

А. А. Фрейман дал высокую оценку работам советских археологов, археологические открытия которых являются историческими. Работа археологов может быть дополнена работами филологов.

Животрепещущим является вопрос об этногенезе, и он занимает научную ответственность. В богатом фактами докладе С. П. Толстова была высказана мысль, говорил А. А. Фрейман, которую можно понять так, что этногенез происходит с древнейших времен до сегодняшнего дня. Этот вопрос нужно рассматривать с точки зрения исто-

рии языка. «Пока мы не знаем языка, мы не знаем этноса». Трудность вопроса этногенеза в том и заключается, что он недостаточно точно определен. Если согласиться с тем, что в большом конгломерате вопросов, составляющих этногенез, язык стоит на первом месте, тогда этот вопрос мог бы разрешиться.

По мнению И. М. Дьяконова, С. П. Толстов убедительно показал, что «археологический материал вынуждает к членению истории Средней Азии на два отчетливых последовательных типа культуры, соответствующих рабовладельческой и феодальной формации», но И. М. Дьяконов выразил сомнение в том, насколько удачен предложенный С. П. Толстовым термин «античный период» для дофеодальной стадии. В обычном словоупотреблении понятие «античный» слишком приросло к культуре Греции и Рима и потребуются слишком большая ломка, чтобы приучить читателя к более широким ассоциациям этого слова. А пока произойдет переоценка этого термина, могут произойти многие недоразумения. С. П. Толстов понимает под этим термином культуру рабовладельческой формации. Прибавление к слову «рабовладельческий» еще и эпитета «античный» может быть оправдано только при условии, что этот эпитет как-то ближе определяет специфику данной культуры, специфику, не раскрываемую понятием «рабовладельческий». В привычном для нас словоупотреблении «античный» и обозначает особую специфику рабовладельческого общества, особую его разновидность, отличную от так называемой «восточной». Термин «античный» удобнее, чем термин «западный». В применении к переднеазиатским обществам этот термин едва ли привьется. Повидимому, речь идет об отнесении всех обществ рабовладельческого типа к одному типу культуры. С. П. Толстов, может быть, хотел термином «античный» подчеркнуть наличие элементов рабовладельческой демократии в древнем обществе Средней Азии и подчеркнул черты, роднящие это общество с западным вариантом рабовладельческой формации. Но и в этом смысле, говорит И. М. Дьяконов, нет необходимости выделять западное рабовладельческое общество вместе со среднеазиатским в противоположность переднеазиатскому. Характерный для Передней Азии деспотизм вырос внутри первобытной родовой демократии.

В течение III тысячелетия общество Двуречья носит характер городских общин, гораздо более близких к полисам античного типа, чем это представлялось раньше. Ассирийская держава VIII—VII вв. до н. э., как она рисуется С. П. Толстову, по ряду признаков схожа с поздне рабовладельческим обществом Средней Азии. Но, вместе с тем, эллинизм не был целиком привнесен извне, а имел и свои местные корни в Передней Азии. «Не преуменьшает ли С. П. Толстов значения эллинистического, а может быть, и ахеменидского периода в истории Средней Азии? Чем можно объяснить скоротечность в Средней Азии рабовладельческой формации?»

В Средней Азии эллинизм застал общество на другом уровне и мог иметь совершенно другое влияние. Специалисты по истории эллинизма должны сейчас обратить большое внимание на исторический азиатский субстрат эллинизма. Чем объясняется, что С. П. Толстов приписывает столь большую роль кочевникам последнего этапа рабовладельческого общества Средней Азии, в частности, в вопросе о «варваризации культуры»? Нет ли в этом влияния западной схемы, стремления создать среднеазиатское рабовладельческое общество как можно более похожим на западное?

К. В. Тревер согласилась с выступлением И. М. Дьяконова. Если к рабовладельческому периоду в истории Средней Азии применить термин «античный», то необходимо будет применять оговорки, например об отсутствии латифундий и др. К. В. Тревер предложила глубже заняться изучением эллинизма.

Эллинизм почти целиком сложился на Востоке, и подходит время серьезно заняться им и вложить в него необходимое содержание. Эллинизм имеет очень сильные среднеазиатские корни, которые еще плохо учитываются, но должны быть выявлены и должны найти свое место.

В своем выступлении М. М. Дьяконов остановился на вопросе перехода от древности к средневековью. С. П. Толстов, сказал М. М. Дьяконов, считает, что

грань между древностью и феодализмом к VI—VII вв. н. э. относится А. Ю. Якубовский, соглашаясь с тем, что переход к феодализму начинается с VI—VII вв., отодвигает установление феодальных порядков в Средней Азии до X в. Получается большое расхождение. А. Ю. Якубовский считает основным феодальным элементом «харадж», т. е. ренту. Этот налог собирало государство, и доходы распределялись среди господствующего класса. Но еще не выяснена природа этого господствующего класса. «Нам приходится сталкиваться с глубоким историческим своеобразием, и не так просто уложить живую историю в рамки какой-то исторической схемы». Приводимые А. Ю. Якубовским факты говорят, что общество Средней Азии уже в IX—X вв. можно считать феодальным, хотя рабовладельческий уклад продолжает еще долго существовать.

С. С. Черников в своем выступлении сказал о необходимости развертывания археологических работ на территории Казахстана, о планомерном его исследовании на более широкой территории.

На секции первобытной археологии Средней Азии были заслушаны доклады П. И. Борисовского, А. П. Окладникова, С. С. Черникова (ЛОИИМФ), А. Н. Дальского (Ташкент).

А. П. Окладников прочел доклад «Археологические исследования на Краснодарском полуострове». Докладчик указал, что древнейшие памятники этого района датируются мустьерским временем.

Обнаружены также культурные остатки позднепалеолитического времени (позднекаспийского или азильского типа). В ряде мест найдены следы и раннего неолита. Особенный интерес представляют остатки единственной в своем роде для культур этого времени «ювелирной мастерской» каменного века. На берегу Каспия, у подножия мыса Куба-Тевгир, найдена яма, в которой уцелели сотни бус из морских раковин, часть которых была окрашена красной охрой. Тут же обнаружены кремневые нуклеусы, скребки и тончайшие острия с затупленной спинкой, которыми сверлились отверстия в бусах. Такие же бусы обнаружены и на стоянках Краснодарского полуострова.

В докладе «Позднепалеолитические местонахождения Туркмении» П. И. Борисовский осветил историю открытия палеолитических стоянок в Туркмении и дал детальный анализ находок. Наиболее яркими памятниками этого рода являются стоянка Кизил-Лай, Эрек и др., датируемые поздним палеолитом в его копсийской фации.

С. С. Черников в докладе «Казахстанский очаг бронзовой культуры» установил ряд этапов развития эпохи бронзы в Казахстане: I. Тургайский с характерной микролитовидной индустрией и ранними формами медных и бронзовых изделий, датируемый концом III и первой половиной II тысячелетия до н. э. II. Андрочивский, достаточное представление о котором дают работы Теплоухова, М. П. Грязнова и С. В. Киселева. III. Дындыбаевский, к которому относятся поселения Степняка, Малокрасноярска и значительная часть бронзовых изделий, отмеченных в 1929 г. М. П. Грязновым. IV. Этап перехода к культуре ранних кочевников (скифский в широком смысле этого слова), эпоха VIII—III вв. до н. э.

Еще недостаточно накоплено материала для характеристики этой эпохи на территории Казахстана, говорит далее докладчик, поэтому необходимо опираться на классификацию М. П. Грязнова для Алтая и на классификацию Б. Н. Гракова для южного Урала. Более изученным является материал с территории восточного Казахстана, где установлено наличие Майэмрского этапа. Переход к высшей ступени варварства происходит в эпоху ранних кочевников, о племенных образованиях которых есть ряд письменных свидетельств античных авторов. Можно думать, говорит С. С. Черников, что саки и массагеты (особенно последние) являлись в какой-то мере потомками кочевников, а аримасы, отнимавшие у грифов золото, жили в районе золотых месторождений.

А. Н. Дальский в докладе «Наскальные изображения в бассейне р. Зеравшана» сообщил об открытии ряда интереснейших наскальных изображений. На обломке

скалы известняка в бассейне р. Кштут-Дарьи выбито изображение свыше 30 диких горных козлов и охотничья сцена. Открыты также наскальные изображения на обломке скалы в саяе Вагиштан, на котором изображен ряд мужских фигур. Возле пещеры в Мосрир открыта большая наскальная роспись, длиной в 11 м 90 см, на которой изображены дикие козлы, верблюды, змеи и другие животные. В результате исследования наскальных изображений А. Н. Дальский пришел к выводу, что они относятся к трем различным историческим эпохам.

На секции античной и дофеодалной археологии было заслушано 7 докладов. Чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер выступила с докладом «Золотая фигурка из Хаитского клада». В составе Хаитского клада (Таджикистан) была найдена золотая подвеска, изображающая женскую фигурку. К. В. Тревер указала, что для определения фигурки важное значение имеют изображения на монетах Аза и Азилиса. На этих монетах воспроизводился статуарный тип Анахит. Изображения Анахит известны и в терракотах Средней Азии, Согда и Ирана. Наиболее близкий исследуемой золотой фигурке тип Анахит имеет место на монетах Аза, происходящих с территории Бактрии. Эта богиня имела местное имя Ардвисуры—богини воды, земли, плодородия. В Каратегине, на территории Тохаристана, она могла иметь и другое имя. Выяснению этого образа помогают также изображения на монетах Капишки, на которых имя Нана может быть сопоставлено с Анахит. Древний образ Ардвисуры расщепился на Арди и Нана. Мужской ипостасью этого образа является Вахш. В золотой фигурке из Хаитского клада, скорее всего, можно видеть воспроизведение образа богини Ардохшо, дочери Вахша. Дочь Вахша была богиней злаков и плодов. В заключение К. В. Тревер отметила, что культ Ардохшо связан с территорией Тохаристана.

В докладе «Бактрийские погребения» М. М. Дьяконов сообщил об открытых в Гиссарском могильнике шести погребениях, обряд захоронения которых не может быть связан с зороастризмом. Три погребения содержали монеты, что является важным показателем для отнесения этих погребений к типу, известному в античном мире.

Наибольший интерес представляют найденные среди инвентаря культовые бокалы. Найденное бронзовое зеркало и бусы имеют близкие соответствия среди подобных находок в сарматских погребениях Северного Кавказа. Весь комплекс находок здесь указывает на связи с северокавказским миром. Найденные монеты являются известными типами оболов Евкратида.

Проф. Т. Н. Книпович в докладе «Вопросы хронологии среднеазиатской керамики домусульманского периода» представила попытку пересмотра датировки керамики ряда поселений Средней Азии. Наиболее ясной докладчица считает датировку ряда комплексов Ташкентского района, как слой II Каунчи, ряд групп района Ташкентского канала, керамика Никифоровских земель: в соответствии с предложенной А. И. Тереножкиным датировкой, эти комплексы принадлежат первым векам нашей эры. Некоторые группы керамики этих поселений (особенно сосуды с орнаментом резных волнообразных линий) встречают близкие аналогии в одном из слоев Тали-Барзу (IV): тем самым устанавливается принадлежность данного слоя также к первым векам нашей эры. Более ранние слои Тали-Барзу (II и III) содержат керамические находки, отличающиеся от слоя IV, но близкие им: они принадлежат, очевидно, последним векам до нашей эры (слой Тали-Барзу II к III—II вв. до н. э., слой Тали-Барзу III к I в. до н. э.). Датировка всех этих слоев встречает подтверждение в аналогиях, наблюдаемых в хорошо датированных комплексах Малой Азии, Сирии, а также Северного Причерноморья.

В докладе «Гончарная печь из Мунчан-тепе» В. Ф. Гайдукевич сообщил об открытой им гончарной печи во время работ Фархадской экспедиции в 1943 г. Печь представляет сооружение, в плане сильно вытянутое и имеющее в топочном помещении боковые лопатки, свидетельствующие о наличии системы арочек, поддерживавших под обжигательной камеры. Докладчик считает, что конструктивный тип таких печей выработался в глубокой древности на Востоке (Передняя Азия) и был заимствован Римом. Ближайшие аналогии печи из Мунчан-тепе известны в Айртаме и Мингечауре, где они датируются III—II вв. до н. э.

С. А. Вязигин (Ашхабад) выступил с докладом «Материалы к характеристике оссуариев Хорезма первых веков нашей эры». Археологические исследования последних лет, говорит докладчик, пополнили находки оссуариев и позволили выделить оссуарии Хорезма в особую группу. Представляют интерес найденные в 1946 г. на городище Калалы-Кыр I три каменных и один глиняный оссуарий. Новые находки имеют ряд сходных черт с известными ранее оссуариями Хорезма. Сравнение их с оссуариями из Ташкента и Самарканда показывает, что они существенно различаются между собой. С хорезмийскими оссуариями сходны по внешнему виду только оссуарии южноиранские.

О результатах археологических исследований в Ташкентской области доложил А. И. Тереножкин (Самарканд). Докладчик установил наличие большого ряда культурных напластований в Ташкентской области, начиная со II тысячелетия до н. э. и до арабского завоевания. По мнению А. И. Тереножкина, здесь можно наблюдать последовательную смену семи различных культур: культура бронзового века первой половины II тысячелетия до н. э., культура бронзового века второй половины II тысячелетия до н. э., культура приаксартских варваров VII—IV вв. до н. э., бургулукская культура III—II вв. до н. э., культура Кауччи I в. до н. э.—II в. н. э., джунская культура III—IV вв. н. э., согдийская культура VI в.—первой половины VIII в. н. э.

В докладе «Археологическое изучение городища Новая Ниса» М. И. Вязмитина (Киев) сообщила, что работами отряда Южно-Туркменской археологической экспедиции установлена большая древность городища Новая Ниса по сравнению со Старой Нисой. Важные материалы дало стратиграфическое изучение этого наименее изученного в Туркмении памятника рабовладельческой эпохи. Особенно интересны открытые части крепостных стен, сложенные из крупного квадратного сырцового кирпича, относящиеся к парфянскому времени. Интересны также открытые погребальные камеры с красной лощеной облицовкой. Наиболее ранние из них относятся к началу Парфянской эпохи.

На заседании секции средневековой археологии Средней Азии были заслушаны доклады А. М. Беленицкого «О культурах Средней Азии накануне арабского завоевания» и Е. И. Агеевой (Алма-Ата) «Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау».

В секции архитектуры были заслушаны доклады В. Л. Ворониной (Академия архитектуры СССР, Москва)—«Черты доарабского зодчества Средней Азии по данным археологических работ», Н. М. Бачинского (Институт истории искусств Академии Наук, Москва)—«Малоизвестные архитектурные памятники Туркмении», В. И. Пилевского (Союз советских архитекторов, Ленинград)—«Гофрированные постройки Средней Азии», Н. М. Бакланова (чл.-корр. Ак. архитектуры СССР, Ленинград)—«Композиция геометрического орнамента Средней Азии», Б. В. Веймарн и Н. В. Черкасовой (Гос. музей восточных культур, Москва)—«Памятники резьбы по дереву в Хиве».

На заседаниях Археолого-этнографической секции были заслушаны доклады Е. М. Пещеревой (Институт этнографии АН СССР, Ленинград) и О. А. Сухаревой (Институт этнографии Узбекской ССР, Ташкент).

Е. М. Пещерева прочитала доклад «Гончары Пенджикента и Самарканда». Наблюдение над формами сосудов, говорила Е. М. Пещерева, приводит к заключению об устойчивости сохранения местных традиций. Они показывают, что сосуды определенных форм связаны с определенными хозяйственными укладами. В противоположность крупным торговым центрам, гончары периферии стойко сохраняли старые, патриархальные формы организации. Этнографические наблюдения показали, что как мастерская в целом, так и орудия производства, в ней находящиеся, «почитались как обителища духов-покровителей ремесла». Любопытно, что, если в одних случаях местами сборищ ремесленных организаций являлись мусульманские мавары, связанные с именами официальных покровителей ремесленников, в других местом собрания являлись «места, бывшие, повидимому, местами общих сборищ населения древних городов».

В докладе «Архаические черты в некоторых головных уборах народов Узбекистана» О. А. Сухарева говорила, что архаические черты свойственны формам народного костюма; последние очень четко прослеживаются на женских и мужских головных уборах.

На секции эпиграфики и нумизматики заслушаны доклады В. А. Крачковской (ЛОИИМК)—«Эволюция куфического шрифта в Средней Азии», Н. Н. Забелиной—«Монеты селевкидского типа с легендой Базилеос Евтидем» и О. И. Смирновой (Институт востоковедения АН СССР)—«Согдийские монеты из раскопок 1947 г. городища Пянджикент».

Н. Н. Забелина в своем сообщении указала, что в собрании Самаркандского музея оказалось несколько монет с легендой Базилеос Евтидем. Среди этих монет обнаружена одна с наиболее четко сохранившейся легендой, причем данная монета имеет стандартный вес и вид неварварского чекана. Произведенный палеографический анализ букв сближает легенду на этой монете «с легендами на более ранних тетрадрахмах Евтидема или даже на тетрадрахмах и статерах Диодита». Отсюда возникает вопрос: не принадлежал ли чекан этих монет самому Евтидему? Н. Н. Забелина напомнила также, что греческие источники, говоря об Евтидеме, не называли его сатрапом какой-либо из областей. Изучение этих монет, при учете отсутствия сведений об Евтидеме, как о правителе, до его правления в Бактрии, наталкивает на мысль о том, что Евтидем мог быть и сатрапом Согдианы. Н. Н. Забелина приходит к выводу, что «изучаемые монеты, а также тетрадрахмы, имитирующие монеты Евтидема, указывают на очевидную связь Согда с Евтидемом», связь, несомненно более тесную, чем с другими греческими правителями Бактрии. Заканчивая свое сообщение, Н. Н. Забелина поставила вопрос о том, какие же монеты, в числе некоторых других античных образцов, легли в основу самостоятельного согдийского чекана,—монеты Селевкидов или монеты Евтидема, чеканенные по селевкидскому образцу?

О. И. Смирнова, сообщая о новых находках монет в Пянджикенте, указала, что они охватывают период от середины VII до середины VIII в. н. э.

Пленум показал, как широко развернулись работы по археологическому изучению Средней Азии.

С. И. Капошина